

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 12—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 12—20.

Научная статья

УДК 821.161.1-1:82-1:81'42

EDN <https://elibrary.ru/wwduib>

DOI: 10.46726/H.2025.4.2

ПТИЦЫ В ПОЭЗИИ МИХАИЛА ЕРЕМИНА: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АРЕАЛ. ЧАСТЬ 1

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье предлагается специальный филологический анализ орнитологических концептов и образов на материале корпуса стихов классика неофициальной советской и современной русской поэзии Михаила Еремина (1936—2022). Подобный филоритологический анализ разворачивается в двух направлениях: изучение синтагматического ареала образа птицы и семантического ореола концептуального образа птицы. Статья является частью общего исследования и содержит результаты анализа синтагматического ареала, под которым понимается позиционный характер текстовых реализаций образа птицы, определяемых особенностями сочетания с другими образными элементами и структурным положением в пределах стихового ряда, строфы и произведения в целом. Были выявлены закономерности структурной позиции образов птиц в строке и тексте в целом, их образного соседства (например, связки Птица и Дерево, Птица и Зерно) и стоящей за ним иконографии типов и сюжетов. Во второй части исследование синтагматического ареала будет продолжено анализом особенностей иконологии образа птицы в поэзии Еремина, специфики распределения и функциональной динамики образа, на понимание которой влияет парадигматический, полисценарный характер нарративного мышления поэта и бытования его стихотворений в целом.

Ключевые слова: новейшая современная поэзия, птицы, орнитологический код литературы, синтагматика, художественный образ, нарратология, иконография текста, иконология текста

Для цитирования: Горелов О.С. Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 12—20.

Поэзия Михаила Еремина представляет особую породу натурфилософской и метафизической лирики, в которой сложное языковое мышление, синтаксическая многоплановость сочетаются с чувством органической включенности человека и искусства в мир природы. Его поэтика уже рассматривалась в контексте современных экopoэтических теорий и концепции технического воображения, соединяющего в случае Еремина научно-технические и природные мотивы [Родионова], а его поэтическая натурфилософия в той или иной степени становится предметом научно-критического разговора о поэте на протяжении уже нескольких десятилетий. Ракурс этого исследования — орнитологические образы в поэтической природной системе — более конкретный, может быть, частный, впрочем, он может предоставить возможности для новых обобщений.

Собственно филологический разбор орнитологических художественных образований, что я предлагаю называть *филорнитологическим анализом*¹, является аналитической альтернативой до появления связной и цельной теории орнитологического кода литературы. В этот раз такой анализ проводился в двух направлениях: изучение *сигматического ареала* образа птицы и *семантического ореола* концептуального образа птицы.

Предмет этого двухчастного исследования — *сигматический ареал* птицы, под которым понимается позиционный характер текстовых реализаций образа птицы, определяемых особенностями сочетания с другими образными элементами и структурным положением в пределах стихового ряда, строфы и произведения в целом. Исследование сигматического ареала направлено на выявление закономерностей структурной *позиции*, *соседства*, *распределения* и *функциональной динамики* образа. В свою очередь, семантический ореол образа будет означать совокупность авторских и контекстуальных смысловых наслойений, подвижное смысловое поле, формирующееся вокруг основного значения образа и отражающее индивидуальные, контекстуальные и символические интерпретации в художественном тексте.

Материалом исследования было выбрано собрание стихотворений и переводов Михаила Еремина, вышедшего в 2021 году [Еремин]². В этот том вошли 347 оригинальных стихотворений, из них 79 содержат образы реальных и мифологических птиц, а также их части и атрибуты (перо, крыло, клюв, гнездо и др.), что составляет 22,77 % общего количества текстов, а конкретные виды птиц встречаются в 59 текстах (17 %), что в целом говорит об устойчивом присутствии в поэтическом мире орнитологического феномена.

Художественная практика Еремина длилась не одно десятилетие (с конца 1950-х по начало 2020-х), а потому было интересно проследить общую динамику, рассчитав среднюю долю птичьих текстов в каждом десятилетии. Выяснилось, что высокая доля текстов с орнитонимами и их производными устанавливается только в 1970-е гг. — 36,84 % (7 из 19 текстов всего), далее она удерживается в 1980-е — 16,67 % (8 из 48), в 1990-е — 19,05 % (8 из 42), в 2000-е — 14,85 % (15 из 101), в 2010-е — 14,29 % (17 из 119), в 2020-е — 14,29 % (1 из 7). В ранние годы доля скакает из-за малого количества текстов, включенных в это конкретное собрание: 1950-е — 50 % (3 из 6), в 1960-е — 0 % (0 из 5).

При общих подсчетах учитывались все номинации: *родовые* (птица), *видовые* (напр., сова) и *частно-видовые* (напр., неясить), при этом в результате родовые и видовые распределились примерно поровну: 21 родовая (из них — *птица* (14), *птичий* (4), *птенец* (1), *пернатый* (2)) и 27 (с повторами) видовых номинаций. Виды в поэтическом контексте зачастую приобретают у Еремина родовое звучание — это конкретный вид или конкретная «особь» в своей вечной, подчас мифологической функции и с набором общих, а не частно-видовых сем. Возможно, поэтому родовые и видовые обозначения в итоге сбалансировались.

Общий видовой состав птиц в поэзии и переводах Михаила Еремина отображен в таблице. За рамками этого свода видовых орнитонимов оказались названия различных мифологических птиц, не совпадающие с названиями реальных птиц (например, феникс в отличие от золотого петушка), а вообще

¹ См. первую попытку такого анализа здесь: [Горелов].

² Далее все стихотворные тексты цитируются по изданию: [Еремин] с указанием в скобках номера страницы.

мифологических птиц в поэзии Еремина шесть (*стрикс, феникс, жар-птица, двуглавый орел, золотой петушок* и авторская *полуптица-полутяжесть*). Разумеется, в этих подсчетах не учитывались и крылатые мифозои: *китовраска, дракон и сфинкс*.

Виды птиц (орнитонимы) в поэзии М. Еремина

№	Орнитоним	Оригинальные стихотворения	Переводы	Реализованные формы номинации (в оригинальных текстах)
1	Альбатрос		+	
2	Вальдшнеп	+		вальдшнеп
3	Выпь		+	
4	Воробей	+		воробыиной
5	Ворон	+	+	ворон, враном, вороньем, ворон, ворону
6	Ворона		+	
7	Галка	+		галок
8	Голубь	+	+	голубями, голубей, голуби
9	Грач	+		грачи
10	Гусь	+		гусь
11	Жаворонок	+		жаворонка
12	Журавль	+		журавлинью
13	Коршун		+	
14	Кряква	+		кряквой, селезень
15	Курица	+		курыих, петушка
16	Лебедь	+		лебяжий
17	НеясТЬ	+		strix
18	Орел	+		орла
19	Пеликан	+		пеликаньих
20	Сокол		+	
21	Соловей	+	+	соловьиных
22	Сорока	+		сорока
23	Сова	+		совы, совиных, совиные, со-вой, сова
24	Стриж	+		стрижа
25	Чайка	+	+	чайки (2)

В оригинальных текстах в итоге оказалось 20 видов птиц, а в переводах — 9, в том числе 4 общих вида (*ворон, соловей, чайка, голубь*) и 5 новых, встречающихся только в переводах (*выпь, коршун, сокол, альбатрос, ворона*). Удивительно, что серая ворона, частый вид и в литературе, и в природе, ни разу не встречается в оригинальных произведениях. И даже единожды встречающийся образ *воронья*, под которым можно понимать стаю как ворон, так и воронов, по всей видимости, состоит все же из воронов, поскольку именно за ними закреплено повторяющееся в нескольких текстах действие выклевывания глаз. *Ворон* в целом наряду с *совой* становится самым частотным видом (по 5 раз), далее расположены *голубь* (3), *курица*, *кряква* и *чайка* (по 2 раза), в остальном — единичные встречи.

Анализ синтагматического ареала образа птицы проводился в три этапа: *формально-позиционный, иконографический и иконологический*.

Формально-позиционный этап осуществлялся в основном в двух ракурсах — ближний ареал, то есть микроконтекст строки и *позиция орнитонима в строке* (рис. 1) и средний ареал, *позиция орнитонима в тексте* (рис. 2).

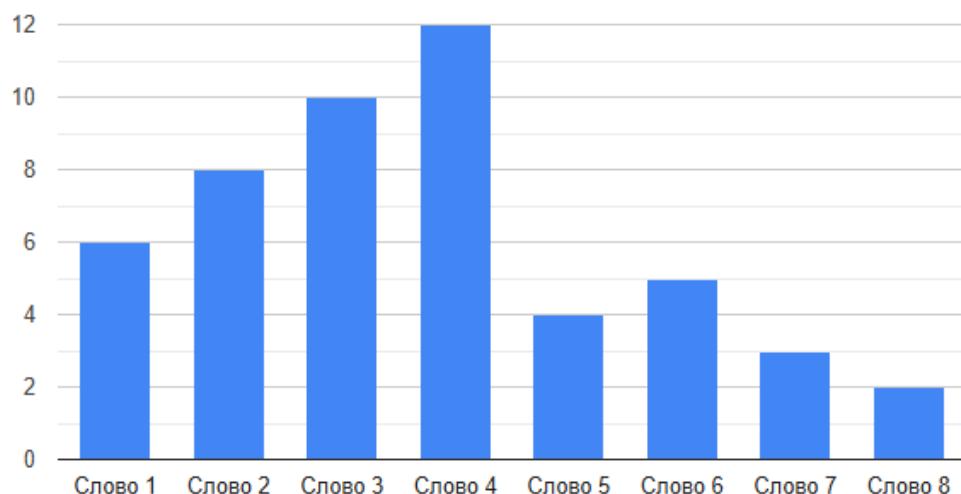
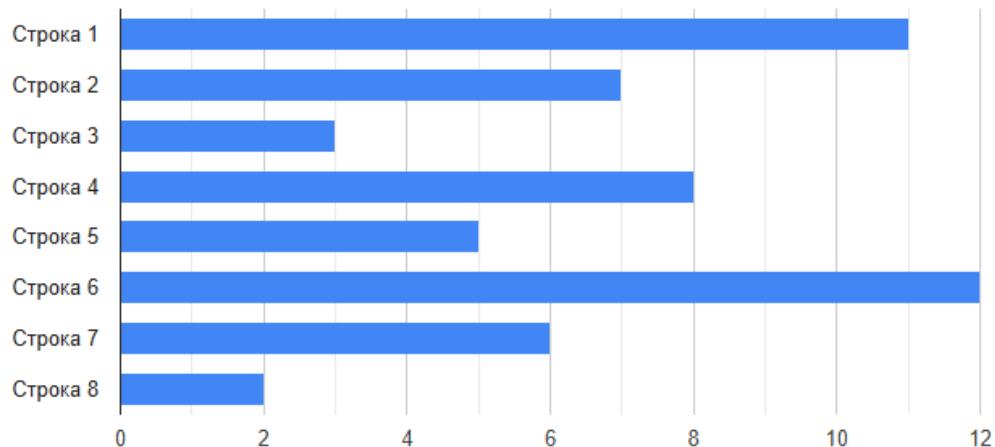

Рис. 1. Позиция орнитонима в строке

Первым словом в строке орнитоним оказывается 6 раз (*совиных, птичий, лебяжий, птенца, пернатым, сова*), и это в основном прилагательные и родовые номинации; в середине строки птичий образ встречается 27 раз — предсказуемо с точки зрения вероятности самая частая позиция, а на втором по частотности месте располагаются орнитонимы в конечной, рифменной позиции — 15 раз (*сезлезень, сорока, жаворонка, грачи, враном, чайки, птица, птицы, вороньем, голубями, совой, птичий, птица, пеликаных, птиц, чайки*), и здесь уже, как правило, видовые субстантивные номинации. Чаще всего птицы у Еремина оказываются 4-м словом в строке (12 раз), реже всего — 8-м (всего 2). При этом строка у Еремина редко превышает восемь слов, максимальное число слов в рассматриваемых текстах — 12, таких строк всего две, и одна из них с птицей, которая открывает стих (*«Сова и мышь, и щука, и карась. И даже в том краю...»*), а в одной строке с девятью словами птичья позиция седьмая (*«Общины малых горожан, таких как, скажем, голуби и крысы...»*).

В среднем орнитоним чаще выпадает на первые четыре слова строки (70 % всех случаев), что можно интерпретировать как формально — в среднем в ереминской строке не больше пяти слов, и тогда птицы оказываются скорее в конце строки, так и содержательно — птицы у Еремина формируют сцену или микросюжет, оказываясь в начальной позиции субъекта, за которым следуют предикаты и объекты (напр., *«И птица загодя от бури хоронится...»*, *«Повисли совы на сосновых сучьях...»* и др.), гораздо реже они являются одним из членов перечисительного ряда, описывающего окружающую обстановку.

Распределение по строкам в тексте стабильно ложится на восемь строк, поскольку каждый текст Еремина — это восьмистишие без заглавия (единственный раз название вида вошло в заголовочный комплекс как квазипосвящение — это латинское обозначение неясыти *strix* (38)).

Рис. 2. Позиция орнитонима в тексте

Чаще всего птицы встречались в 6-й строке (12 раз, 24 %), рядом с композиционным золотым сечением, если таковым считать конец пятой и начало шестой строки в восьмистрочном тексте. Функциональных значений появления птицы в этом месте несколько: 1) возвращение к основной мысли после вставной конструкции, это самый редкий вариант, один случай (51); 2) завершение вставной конструкции, заключительной частью которой оказывается образ птицы (222, 227, 345); 3) перелом сюжета, начало пуанта (176, 322, 358); 4) распределение птицы как члена перечисления, антиэмфатическое использование и отсутствие какой-либо кульминации (198, 238, 329); 5) эмфатическое использование на стыке 5-й и 6-й строки, смысловое акцентирование, иногда в составе анжамбемана (283, 122, 303). Также на 5-ю и 6-ю строки приходятся вставные конструкции с описанием перьев (103, 165) и появление метафорической птицы: «полуптица-полутяжесть / Белее крыльев, явственных во сне» (85).

Еще одна позиция-лидер — 1-я строка (11 раз, 22 %), что говорит о не фоновом обращении к орнитологической образности. А 8-я строка как раз реже всего принимает птиц — 4 %, всего два раза: «Лебяжий пух в паросского спрессован ловеласа» (60), «Вкушается рагу из соловьиных язычков» (263) — в первом случае как атрибутивная часть сложной составной метафоры-образа, во втором — как ключевое наименование, собирающее воедино предыдущий текст, также представляющий собой развернутую метафору.

Фиксация позиции видовых номинаций должна интерпретироваться в рамках целостного анализа синтагматического ареала с учетом соседства строк. Так, скажем, малое число орнитонимов в финальной строке компенсируется тем, что в 6-й и 7-й строках видовое обозначение встречается часто, в целом в 36 % случаев, и оно может прописываться и уточняться, заходя на соседние строки, в том числе последнюю, которая таким образом тоже становится птичьей, хоть и не содержит конкретный орнитоним: «Вращались чуткие совиные часы / И вдруг остановились» (21), «И слушать пепел галок над / Усекновенной колокольней» (57), «Парящая на пеликаных / Крылах? Но некто, дерзостно, когтистый / Сорняк вознес под архитрав» (303) и др.

Иконографический этап представляет описание образов с точки зрения синтагматики соседства, особенностей сочетаемости и распределения на уровне ближнего и среднего синтагматического ареала.

Поэтический мир Еремина полон природными образами, но особый статус имеют растения, деревья. Они являются не только постоянным интенциональным центром, не просто концептуальным ядром поэтической системы мицвидения, но и средой обитания для других, непосредственно ареалом, жизненным пространством, длительностью, в которую как в свой личный, субъектный мир погружаются в том числе и птицы — это место пропитания, место защиты, место отдыха и сама жизнь, архитектоническое целое мира. Растения и деревья могут выступать сюжетным инципитетом, триггером, но также и образом, постепенно перекрывающим остальные, выдвигаясь со второго плана на первый, пронизывая всю образную линию, как например, в этом тексте, где происходит метаморфоза функций дерева (источник пищи, укрытие, жилище, объект экологии):

Выступжал перкуссионный клюв
Таившуюся в заболони пищу... Полости и щели
Усилиями фитопатогенов претворяются
В дупло, обретшее засельщика
(Никак не куролесная лесовка из дремучих
Времен, а, скажем, кто-то из пернатых.) до поры,
Как ни снесут бензопилой по санитарному вердикту
За ветхостью строение природы (345).

И почти всегда растения являются ключевым строительным элементом именно в плане синтагматики, что закреплено в одной из ереминских формул, с которой начинается стихотворение 2017 года:

Растения живут с оглядкой на соседей —
Одни на всех вода и свет, земля и воздух.
Не нарушают общебытия биоценоза
И волк, и вся парнокопытная добыча,
Сова и мышь, и щука, и карась. И даже в том краю,
Где ворон ворону выклевывает очи,
Живется тож, —
Кто кое-как, а кто жирует (329).

Этот текст предлагает ироническую версию метасюжета о биохраме как о едином пространстве природы, где дерево — основа всякой «тварной матрицы», а базовый принцип живого — «абсолют зерна», как это было в тексте еще 1962 года, в котором образ дерева перекрывает птиц, не нуждается в них:

Воздвигнутый в честь сотворенья вселенной
Аккумулятор воли растенья
Хранит в тайниках древесины
Нуклеин дохристовых распятий.
Полон святости нерукотворной
Биохрам от корней до купола.
Тих и светел в белой колыбели
Внемли дереву Бога, ребенок (25).

В версии 2017 года единство и возможность жизни строится вокруг трофического мотива, описывающего пищевые (трофические) связи между организмами в экосистеме, основанные на питании одного организма другим. На это саркастично указывает и эпиграф — вырванная из контекста фраза «Как ни на есть» Н.А. Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (ближайший контекст таков: «Покуда не доведаем / Как ни на есть доподлинно: / Кому жить любовесело, / Вольготно на Руси?»). Растения, появляясь первыми в развороте текста, закладывают основы синтагматики (биоценоза, оглядки на соседей) и онтологии

(общебытия), превращая остальные мизансцены в версии единого принципа, хотя архитектонически они так же реализуют один из сценариев одного общего сюжета. В тексте встречаются сразу два вида птиц, что в общем-то уникально для Еремина, и это объясняется полисценарностью и полифункциональностью образов: имманентный, адаптивный характер межвидовых отношений (*сова и мышь как трофическая пара*) и экспансивный характер внутривидовой борьбы (хотя в основе древняя пословица с противоположным посылом: «Ворон ворону глаз не выклюет») с элементами трансгрессивного перехода экзистенциального конфликта (ворон в *тот краю*, но и *там «живется тож»*).

Итак, наиболее устойчивая образная связка — это *Птица и Дерево/Растение*. Птицы Еремина чаще всего встречаются в кронах, под сенью, в ветвях, они в первую очередь древесные (14 встреч: 21, 32, 40, 50, 129, 173, 198, 238, 239, 297, 318, 336, 345, 367), а не городские (6), водные (5), небесные (4), полевые (2) или горные (0)³. Видовая конкретизация птиц и деревьев склоняется к хиастической композиции: родовая птичья номинация и видовое, специальное обозначение дерева («С промокшою *птицею* в пасти *осина*» (32), «**Кондовые** тела — над ними *птичья* плавь» (40)) или, напротив, видовая конкретизация птицы и общее, родовое обозначение дерева («Что делать с *воробыиной* стаей в *кronах*» (239)). И только начиная с 2010-х годов, устанавливается родовой паритет: доминирует универсальный образ птицы в дереве.

Как правило, птица относится к дереву как к укрытию, что выражается предикатами *укрываться, хорониться, гнездиться* и предлогами *под* и *в*: *под сенью, в кронах, в гнезде, в пасти (дерева), в дупле* (173, 239, 297, 318, 367, 32, 345), *на сучьях*, но в дереве (21), — а вот воздушное, небесное, полетное положение *над рощей, над колокольней, над нами* встречается реже (32, 40, 50, 51, 57). Шесть раз это внутреннее, скрытое положение буквализируется, и птичьи образы оказываются в фирменных вставных синтаксических конструкциях Еремина — в скобках (103, 124, 165, 222, 335, 345). Первый и парадигмальный в этом отношении текст — «Владеть устами — навык или дар...», где предикат «окольцовывать» имеет положительную коннотацию.

Развивающей растительную тему связкой становится *Птица и Зерно/Семя*. В двух случаях птица или «пернатый доброхот» (283) выступает распространителем семян, «распространение которых — / Забота птиц небесных, не за то ли / И сытых» (134). Лексема *зерно* формирует образ большей самостоятельности и акторности, более того, это символ одновременно несовершенного и абсолютного закона общежития всего живого:

Теченье вытаскивает рыбу,
Вынашивает птицу ветер,
Земля
(Неповторимы дни Творения,
Поскольку вечны, сиречь закодировано
Во всякой тварной матрице
Несовершенство воспроизведимого.)
Свидетельствует абсолют зерна (122).

³ Один показательный минус-образ дает стихотворение «Возросшее не в первозданных насаждениях...» (198), в котором дерево не привлекает к себе птицу, поскольку растет на скалистой высоте, где «земли отмерено пядь-в-пядь, но вволю неба». И такое расположение будто перечеркивает всевозможные сценарии «полезной», «осмысленной» жизни: это дерево не ведает, «что не было прицельным / Ориентиром в артбаталии, / Что в кроне птица не свила гнезда, / Что не спалила молния, что по его плоды / Едва ли кто придет». Все же обитаемое небо у Еремина концентрируется в ветвях земных деревьев, а скалистое «вволю неба» оказывается нептичьим.

Эти элементы — зерно, дерево как укрытие, небесные птицы в древесной кроне и само небо, будто начинающееся с дерева, — оказываются в едином ареале благодаря евангельской иконографии Царства Небесного, уподобленного Иисусом Христом зерну: «Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13:18—19). Только у Еремина единство ареала, ближнее соседство приводят дополнительно к интерференции качеств птицы и зерна, даже если изменение биотопа (например, перенос действия в городское пространство) разнит стратегии роста и выживания. Так, в стихотворении 2016 года «общины малых горожан, таких как, скажем, голуби и крысы, / Довольствуются поездью с людского, но и подворовывая, / Стола», — то есть адаптируются к городской среде, как и сорные травы, а вот экологически более требовательные лось или шершень не приживаются здесь, как и горчичное зерно: «Горчичное зерно, залетное / Невесть откуда, не проклонулось» (321). В атрибуции и предикате зерна явно остались следы пернатого доброхота. А голубь — в семантическом ореоле как раз христианский символ — здесь лишь фоновая городская птица, которая только и может довольствоваться жизнью в городском царстве, не приемлемом ни для птиц небесных, ни для горчичного зерна.

Выход на этот символический уровень означает переход от иконографии текста, описания системы устойчивых образов и мотивов, к их пониманию — к иконологическому этапу анализа, включающему культурно-антропологическую, символическую и собственно литературоведческую интерпретацию. Об этом и пойдет речь во второй части статьи.

Список литературы / References

Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 464 с.
(Yeryomin M. Poems, Moscow, 2021, 464 p. — In Russ.)

Горелов О.С. Птицы в поэзии Олега Григорьева: филорнитологическое наблюдение //
Профессия: литератор. Год рождения: 1942, 1943: коллективная монография.
Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2025. С. 6—24.
(Gorelov O.S. Birds in Oleg Grigoriev's Poetry: Philornithological Observation, *In Profession: Writer. Year of Birth: 1942, 1943: A Collective Monograph*, Yelets, 2025, pp. 6—24. — In Russ.)

Родионова А. «Фотолуг, фотолес, фотолето». Техно-экологические миниатюры Михаила Еремина // Зборник Матице српске за славистику. 2023. № 104. С. 339—351.
(Rodionova A. ‘Photo-Meadow, Photo-Forest, Photo-Summer’: Techno-Ecological Miniatures of Mikhail Eremin, *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 2023, no. 104, pp. 339—351. — In Russ.)

BIRDS IN THE POETRY OF MIKHAIL YERYOMIN: THE SYNTAGMATIC RANGE. PART 1

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. This article offers a specialized philological analysis of ornithological concepts and imagery in the poetic corpus of Mikhail Yeryomin (1936—2022), a classic figure of unofficial Soviet and contemporary Russian poetry. The proposed philornithological approach unfolds in two directions: the study of the syntagmatic range of bird imagery and the semantic aura (or halo) of the bird concept. This first part of the study presents the results of the syntagmatic range analysis, which concerns the positional characteristics of textual realizations

of bird imagery — determined by their specific combinations with other figurative elements and by their structural position within the verse sequence, stanza, and the work as a whole. Patterns in the structural positioning of bird images within the poetic line and the text as a whole, their figurative proximity (for example, the relations Bird–Tree, Bird–Grain) and the underlying iconography of types and plots were identified. In the second part, the study of the syntagmatic range will be continued with an analysis of the iconology of the bird image in Yeryomin's poetry, focusing on the specifics of the distribution and functional dynamics of the image — aspects shaped by the paradigmatic and polyscenario nature of the poet's narrative thinking and by the overall mode of existence of his poems.

Keywords: contemporary Russian poetry; birds; avian imagery; ornithological code; syntactics; poetic image; narratology; text iconography; text iconology

For citation: Gorelov O.S. Birds in the poetry of Mikhail Yeryomin: the syntagmatic range. Part 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 12—20.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru, SPIN-код: 5451-7654

Gorelov Oleg Sergeyevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru